

ФИЛОЛОГИЯ

О роли посессивных понятий в старорусской номинативной деривации

Т. Г. Трофимович

В статье в русле созданной автором теории ономаσιологического анализа производных предметных наименований исследуются номинативные единицы посессивного типа, зафиксированные языком старорусской деловой письменности.

Ключевые слова: ономаσιология, посессивный признак, деривация, слово, словосочетание, тип наименования, мотивация, производное наименование.

About a Role of Possessive Conceptions in the Old Russian Nominative Derivation

T. G. Trofimovich

This article researches possessive-type naming units recorded in the language of the Old Russian official documents, legal and commercial correspondence in the light of the theory, developed by the author, concerning the onomasiological analysis of derivative naming units for objects.

Key words: Onomasiology, possessive marker, derivation, word, word-combination, type of reference, motivation, derived reference.

В настоящее время актуальными продолжают оставаться ономаσιологические исследования производных наименований, позволяющие выяснить, как смысл находит средства своего языкового выражения, какие понятия чаще всего актуализируются в процессах номинативной деривации. Оказалось, что можно установить типы номинативных единиц, избрав в качестве типологизирующего параметра характер ономаσιологического признака [1]. Одним из таких типов является посессивный, то есть в основу именования положены понятия принадлежности.

Давая общую характеристику состава посессивных наименований, укажем, что на материале старорусской деловой письменности нами зафиксировано около 200 универбальных апеллятивов, более 2000 онимов и около 600 бивербальных названий, не связанных с именами собственными. Просматриваются следующие особенности организации номинативного типа. В процессе номинативной деривации признак по принадлежности чаще реализуется аналитически, в неоднословной единице, и значительно реже – в однословной. Огромное, с трудом поддающееся установлению, количество посессивных онимов свидетельствует о том, что в сфере номинации более востребована персонифицированная принадлежность. Апеллятивные универбы характеризуются тематическим и деривационным разнообразием, при этом установившиеся в глубокой древности схемы возникновения наименований не утрачивают своей актуальности.

Наименованиям родства свойственна слабая способность к семантическому развертыванию,

под которым мы понимаем возникновение неоднословного наименования субстантивно-атрибутивного типа. В сфере названий кровного и свойственного родства подобных бивербов мало (*брат родной, брат двоюродный, сестра родная, сестра двоюродная и др.*). По нашим наблюдениям, неоднословные наименования чаще содержали единицы типа *отец, дети, жонка* в переносных или других, «неродственных», значениях. Например, в Уложении 1649 г. находим: *жонка вольная – ‘свободная женщина’, жонка тяглая – ‘несвободная женщина’, отец духовный – ‘духовник’, дети боярские – ‘княжеские дружинники’* и т. п. Исторические словари фиксируют подобные наименования, часто помещая их в «заромбовую» часть словарной статьи.

Среди анализируемых наименований кровного и свойственного родства широко распространенными оказались названия, возникшие по схеме *X – это ребенок кого, чей*. Таких единиц в старорусском деловом языке много, причем они объединены деривационными связями как собственно с названиями родства, так и с названиями должностей, социального и имущественного статуса. Устойчиво выдерживается паритет названий для сына и для дочери. Так, например, сына брата именовали универбы *братанич, братан, братич, братович, братонич, братьинич*; дочь брата – *братана, братична, братанична*; сына сестры – *сестричь, сестричич, сестричищъ, сестреничь*; дочь сестры – *сестрична, сестринична*.

Актуальным было именование детей правящих особ. Тогда возникали универбы *гоподинич – господичич – господична (сын, дочь*

господина), *царевич – царевна* (сын, дочь царя), *княжевич – княжич – княжичич – княжна* (сын, дочь князя), *королевич – королевна – королица* (сын, дочь короля), *воеводич – воеводинка – воеводична* (сын, дочь воеводы), *боярич – боярышня* (сын, дочь боярина). Нами зафиксированы также наименования *государич* (сын государя), *женилиць – жениличич* (сын наложницы), *блудничич* (сын блудницы), *вдовиц* (сын вдовы), *богатичич* – *богатична* (сын, дочь богача), *мамич – мамчич* (сын мамки, молочный брат), *мачешич* (сын мачехи), *попович* (сын попа), *пономаревич* (сын пономаря), *робичич – робичич* (сын рабы), *псаревич* (сын псара) и др.

Приведенные универбы демонстрируют широкое распространение при их образовании суффиксов *-ич-*, *-иц-*, *-ичич-*, *-ичич-*, *-евич-*, *-ович-*, *-евн-а*, *-овн-а*, *-иц-а-*, *-ышн-я*, *-ичн-а*. Очевидна высокая активность форманта *-ич-*, на основе которого возникали другие интегрированные аффиксы. О. С. Трубачев считал, что он восходит к праславянскому патронимическому суффиксу **-itjь-*, который особенно широко представлен в патронимических образованиях древнерусского периода [ЭССЯ, 2, с. 228].

Посессивный признак становился значимым при наименовании небольшой части лиц женского пола – чьих-то жен. Названия возникали по схеме *X – это жена кого, чья*. В качестве ономастических базисов использовались различные суффиксы: *-их-а* (*бобылиха, купчиха, мельничиха, дьячиха, посадничиха*), *-ын-я/-ин-а* (*боярыня, государыня, воеводинка, дядина*), *-иц-а* (*дьячица, лекарица, пономарица, попица*). Особым способом названия жены являются конструкции, в которых присутствуют универбы, дублирующиеся сочетаниями слова *жена* с притяжательными прилагательными, образованными от фамилии, имени мужа. Например: *Июля в 12 день по лекарице Ульяне по Константиновской жене пожаловал государь царь и великий князь... ВКТСМ, 926 об. Пономарица Дарья Обросимовская жена дала вкладу 10 рублей денег. ВКТСМ, 882*. Упомянутый формант *-их-а*, как известно, в русском языке прошлого и настоящего образовывал существительные с модификационным значением женскости.

Небольшая группа наименований самок животных тоже может быть отнесена к названиям посессивного типа, поскольку возникли они как средства выражения принадлежности. Номинативное суждение иллюстрирует схему *X – это самка кого*. Такие названия редки в деловой письменности. Нами были зафиксированы следующие наименования: *волчица – волчиха, курица,*

лисица, лосица – лосиха, медведица – медведиха, ослица – ослиха, в СлРЯ XI–XVII вв. обнаружены также *барсиха, голубка, львица – львовица, орлица, пардусица, рысица*. Видно, что в качестве ономастического базиса использовался чаще всего формант *-иц-а*, который мы уже встречали в названиях жен. Есть основания предполагать, что единицы данного типа могли возникать и с помощью других суффиксов, например, *-ын-я* (*гусыня*). Продуктивность форманта *-иц-* была большей, а указанная номинативная модель реализовывалась в таких наименованиях самок животных, как *лосица, телица, норица, куница, ослица, медвежица, гусица, верблюдица*.

К единицам посессивного типа следует отнести названия детенышей животных, которые возникали по схеме *X – это детеныш чей, кого*. Очевидно, что они образованы по той же модели, что и рассмотренные ранее названия детей, зачастую с использованием тех же деривационных средств. В привлеченных текстах старорусских документов немного таких наименований. Нами зафиксированы универбы с суффиксом *-онок/-ёнок*: *волчонок, гусенок, козленок, жеребенок, куренок, лисенок, лосенок, орленок, поросенок, рысенок, утенок, ягенок*. Известно, что этот суффикс только в XVI в. сменил исконный для таких образований суффикс **-ent-*, который, согласно утверждениям О. Н. Трубачева, имел значение принадлежности с последующим развитием значения уменьшительности [2, с. 40]. В условиях позднего оформления единиц для наименования незрелых живых существ с суффиксом *-онок/-ёнок* логично было бы предположить наличие в старорусском деловом языке заметного количества слов с рефлексом исконного суффикса «незрелости», кровнородственной принадлежности, то есть образований типа *порося, теля, пся, курия, ося* и т. п. Нами зафиксировано несколько таких единиц. Они приведены и в Словаре русского языка XI–XVII вв. Там же отмечены наименования *голубичиц* – *голубич* [4, с. 69], *горличич* [4, с. 86], *козличич* – *козлич* [5, с. 224], *львич* – *львовиц* – *львичич* [8, с. 318]. Думается, что время укрепления суффикса *-онок/-ёнок* в русском языке может быть уточнено, поскольку в анализированных нами памятниках старорусского периода приоритет названий на *-онок/-енок* очевиден.

Текстовые данные хорошо подчеркивают посессивность наименований с таким суффиксом. Представляются исключительно информативными такие примеры: *Приговорили цену указывати... с прибавкою: конь 8 рублей, кобыла 6 рублей, жеребенок конской 3 рубли. За, 99. Тои че-*

ловець на улицах градовых будетъ каран, и яко жеребя конское будетъ гонень. Скарына, 1, 187. Из них следует, что словом *жеребенок* изначально называли не только детеныша лошади. Этимологические сведения подтверждают это, указав на родство приведенного наименования с греч. *βρέφος* – плод, новорожденный, ребенок, детеныш [Фасмер; 2, с. 48]. В. И. Даль фиксирует *жеребя, жеребенок – осленок, верблюжонок, олений детеныш* [Даль; 1, с. 534]. Подробно происхождение наименования детеныша лошади изучено Г. Ф. Одинцовым, который возводит его к индоевропейскому корню **gerbh-* со значением *утроба, чрево*. При этом важно, что древнерусское *жеребя* называло не только детеныша, но и взрослую лошадь. Окончательно значение не-взрослости и «детскости» закрепилось за старорусским словом *жеребенок* только к XVII в. [3, с. 51–53].

Одним из частных случаев посессивных отношений являются отношения обладания, поскольку они тоже выражают принадлежность, только роли между посессором и предметом принадлежности распределяются по-другому. Если в случае *купчиха* или *поросятина* это предметы принадлежности, они принадлежат, посессором являются другие предметы (*купец, поросенок*), то в случае *вотчинник* или *паромщик* назван посессор по предмету обладания. Такой подход соответствует сложившимся в лингвистике представлениям о категории посессивности. В старорусском деловом языке выделяется большая группа предметных наименований, в которых реализована такая разновидность признака по принадлежности. Это названия лиц: *вотчинник – вотчич – вотчинец, вотчица, кабальщик (владеет кабалой, письменным долговым обязательством), корабельщик – корабельник – корабльщик (владелец корабля), корчемник (владелец корчмы), ключник, мызник (владелец мызы, отдельно стоящей усадьбы), островщик (владелец покосного острова), насащик (владелец насада, судна для перевозки товаров)*.

Особую группу образуют названия имущества, которое кто-то унаследовал или которым кто-то владеет: *бояричина, владычина (владения, принадлежавшие владыке), дедина, княжчина – князьчина – княщина (земельная собственность князя), монастыричина (владения монастыря), опричнина (в XIV–XV вв. владения женицин из великокняжеской семьи), отцовщина – отчизна – отчина (владения отца, унаследованные сыном), паницина*. Вот примеры из текстов. *Се яз купил есми... пожно... меж княжцины и Никифоровы пожни поповичевы... АСЭИ, I, 471. Велите иво, Демку, из боярицины в селе*

приказику поставити и мне с ним дати очную ставку. КЧ, 152. Используемые аффиксы представляют собой композитные морфемы, в которых отчетливо выделяется элемент *-ин-* с принадлежностно-сингулятивным значением и ассимилированный в шипящих принадлежностный формант *-жь-*. Гипотетически путь возникновения приведенных наименований можно представить так: **otъk- + *-жь- + *-in-a > отчина*.

Среди рассматриваемых наименований есть и концептуально значимые названия, восходящие к древнему наименованию отца. Логика номинативной деятельности очевидна в контексте приведенных наименований: то, что принадлежало отцу – *отчина, вотчина* (с протетическим *в*), *отцовщина, отчизна*. Таким же образом возникло и название *родина*. Ср.: *Захребетника Ивашка роспросить, где отца ево и ево, Ивашкова, родина и сколь давно он живет в домовой вотчине. КЧ, 51*. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что изначально *родина* – это то, что принадлежало роду. Это подтверждают данные других славянских языков и этимологические разыскания [Фасмер; 3, с. 491].

Исследователями замечено, что в истории русского языка лексика, связанная с наследственным правом, содержала не только общие наименования наследства, но и названия наследства, полученного по разным линиям: *материзна, отчина, отцевщина, дедизна, дедина, дедичство, дедьство, бабизна, прадедизна*. В них прослеживается активность таких аффиксов, как *-ин-а*,

-изн-а, которые присутствуют в словах *отчизна, родина*. Немаловажно, что наименование *отчина* называло первоначально ту часть наследуемого имущества, которое составляла земля, в то время как движимое наследуемое имущество именовалось словом *живот*: *А у которые жены помрет без рукописания и останется отчина или живот... Пск. судн. гр., 89*. Именно так содержание Псковской судной грамоты комментируют историки русского права [ПРП, 2, с. 297]. Это значение подтверждают и другие примеры: *Пришли Родивон к Москве деловова Филку з женою и з детьми и со всеми ево животами. Пожарские 1647 г.*

Следовательно, такие значимые наименования, как *родина* и *отчизна*, по происхождению являются универбами посессивного типа. Указанная мотивация названными словами постепенно была утрачена, однако в старорусский период хорошо осознавалась.

Таким образом, посессивный тип производных предметных наименований занимает свое

место в системе старорусской номинативной деривации. Не относясь к продуктивным, он, тем не менее, демонстрировал роль понятия принадлежности в мотивации производных номинативных единиц.

Сокращения

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964. – Т. 1–3.

ВКТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 440 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М. : Госиздат словарей, 1956. – Т. 1–4.

ЗА – Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; под ред. Н. Е. Носова. – Л. : Наука, 1986. – 261 с.

КЧ – Крестьянские челобитные XVII в. : Из собраний Государственного Исторического музея / отв. ред. Е. И. Индова. – М. : Наука, 1994. – 332 с.

Пожарские 1647 г. – Шмюккер-Брелер М. Вотчинные материалы из архива П. Д. и И. Д. Пожарских // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. В. Г. Демьянов и Н. И. Тарабасова. – М. : Наука, 1991. – С. 152–170.

ПРП – Памятники русского права: в 8 вып. – М. : ГИЮЛ, 1951–1963. – Вып. 1–8.

Скарына – Слоўнік мовы Скарыны: у 2 т. / склад. У. В. Анічэнка. – Мінск: Выш. шк., 1984. – Т. 1–2.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1975–2000. – Вып. 1–24.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1975–1990. – Вып. 1–17.

Библиографический список

1. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности [Текст] / Т. Г. Трофимович. – Минск : УИЦ БГПУ, 2003. – 210 с.
2. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя [Текст] / О. Н. Трубачев. – М. : АН СССР, 1959. – 212 с.
3. Одинцов, Г. Ф. Из истории гиппологической лексики русского языка [Текст] / Г. Ф. Одинцов. – М. : Наука, 1980. – 223 с.